

В заметке, посвященной этой вокабуле в СРНГ¹, я предложил конъектуру, которую сейчас нахожу неудачной. Ей нужно предпочесть чтение *махорник* (рукописная буква х, первый штрих которой, возможно, слишком округлый, если не замкнутый в «колечко», что для беглого написания не редкость, отождествлен с буквой о, а второй воспринят как с). Ср. фитоним *махорник* соль-илецк. чкалов. 'перистый ковыль', дон. 'степная трава (какая?)' [18, 51]. Основанием для называния горицвета (адониса) именем, производным от слова *махры*, служит характерная для этого травянистого растения рассеченность листьев на многочисленные узкие сегменты, придающие ему «махровый» вид.

О.А. Михайлова

МОЙ МИР – МОЙ ДОМ

Система специализированных актантов в «Словаре русских говоров Среднего Урала»

«Словарь русских говоров Среднего Урала» (далее – СРГСУ), который в течение многих лет выходит под редакцией А.К. Матвеева, является бесценным источником изучения не только диалектной лексики, но также народной культуры и наивного сознания. Материалом для наших наблюдений послужили словарные статьи предикатной лексики – глаголов и прилагательных с «референтно ориентированной семантикой»¹, у которых ограничена область их денотативной приложимости. В семантике этих лексических единиц присутствуют включенные актанты – специализированный субъект или специализированный объект, например: *кэкать* 'издавать крик (о птице)'; *кряжсвой* 'кряжистый (о дереве)' – семемы со специализированным субъектом; *брать* I 'собирать (ягоды, грибы)', *годовать* I 'воспитывать, растить ребенка' – семемы со специализированным объектом.

Все явления, так или иначе затрагивающие душу человека: строение организма, окружающая природа, вся культура, весь опыт и переживания, – все это оказывает влияние на язык: «На языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир... тут – бытие мира есть бытие языковое»². При вербальном кодировании обозначение в виде отдельных лексических единиц получает то, что играет важную роль в жизни человека (нации), что является ценностным для него. «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналами лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие»³. Место любой реалии в системе культурных ценностей – независимо от того, принадлежит эта реалия нерукотворному миру или создана руками человека, – может быть определено лишь через ту роль, которую данный денотат играет в жизни людей. Через восприятие личности дается толкование большинства слов. На этом основании можно говорить об антропоцентричности словаря, и поэтому, анализируя лексические значения, зафиксированные словарем, можно выявить важные для этнокультурного сообщества сферы.

¹ Журавлев А.Ф. Лексикографические фантомы. 3. С. 272–273.

² См. об этом: Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 512.

⁴ Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 4.

В толковых словарях литературного языка система специализированных актантов (субъектов и объектов) включает три больших раздела: «Человек», «Живой мир», «Неживой мир»¹, каждый из которых состоит из нескольких групп. Являя собой слепок картины мира, данная система выстраивается не беспорядочно, а в соответствии с аксиологическими свойствами референтов. По наблюдениям ученых-этимологов, создание древних топонимических систем основано на принципе антропоцентризма: для человека «точка отсчета – сам человек, в основе всего – сравнение с человеком»². Участок наивной картины мира, зафиксированный системой специализированных актантов, также центруется вокруг человека и проецируется на него. В соответствии со статическим (радиальным) мировидением, свойственным оседлым земледельцам, каковыми являлись и русские, человек находится как бы в центре пространства и «строит мир в виде концентрических кругов вокруг своей житницы»³. В философской литературе высказывается идущая еще от Ф. Бэкона мысль о «троеначалии» жизни: все вокруг группируется в «три большие категории, три космоса – мир Вселенной, мир общества и индивидуальный мир. Человек способен как бы вживаться в образ каждого из этих миров, отождествляться с ним»⁴. Рассматриваемая нами система лексических единиц легко укладывается в эти три категории, и, таким образом, наивная картина мира, отраженная системой специализированных актантов, представляет собой три концентрических круга: индивидуальный мир, социальный мир, природный мир. Сознание личности отражает и, упорядочивая, закрепляет в языке окружающий мир и личный мир, поэтому перспектива наивной картины мира располагается по двум направлениям – «внешний» и «внутренний» обзор. При этом зоны окружающего и личного мира соотносительны: внешний мир рассматривается человеком сквозь «прорезь» своего мира. По обоим направлениям картина мира складывается из ярусов (концентрических кругов), и каждый последующий ярус есть отражение более отдаленного от человеческого бытия участка мира. В зоне личного мира выделяются следующие сферы: человек как индивид, биологическое существо; человек как личность, социальный субъект; человек мыслящий и чувствующий – *homo sapiens et loquens*. В зоне окружающего мира представлены три соотносительные сферы: дом, социум, природа.

Наложение системы специализированных актантов, зафиксированных в СРГСУ, на данную схему-картину показывает, что такая система в диалектах отличается лакунарностью в сравнении с исходной системой и имеет определенную специфику в детализации и проработке отдельных зон.

В ближайшей перспективе картины мира располагаются представления о человеке как индивиде. Действия и признаки, свойственные человеку, обычно не маркируются специализированными показателями ни в толковых словарях литературного языка, ни в СРГСУ. В языковом сознании вычлениются лишь женщины и дети. В диалектах включенный актант *женщина* встречается в глаголах, относящихся к матримониальной и сексуальной сферам, в том числе и сфере деторождения, ср.: *оброухать, отсаживать, обладать* (невесту к венцу) и под., как это наблюдается и в общенародном языке. Вме-

¹ См.: Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург, 1998.

² См.: Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986. С. 89.

³ Токарев С.А. Андре Леруа-Гуран и его труды по этнографии и археологии // Этнологические исследования за рубежом: Критические очерки. М., 1973.

⁴ Никитин Е.П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 10.

сте с тем женская сфера в говорах является более проработанной и дифференцированной, включая в круг узкоспециализированной предикатной лексики единицы, обозначающие трудовую деятельность женщины: приготовление пищи, стирку, работу на огороде, уход за домашними животными. И хотя в СРГСУ подобные слова не маркируются показателями в объяснительной части словарной статьи, иллюстративный материал подтверждает специализацию этих действий как сугубо женских. Для точного отражения мировосприятия диалектоносителей, возможно, следует включать в толкование таких лексем специализированный субъект *женщина*.

Более широко, чем в общенародном языке, представлена и группа глаголов с включенным актантом *дети*: *балякать, барабать, угомонливой, куняркать лопотливой, липущий, годоватъ, глуздатъ* и др., но по семантике диалектные глаголы не выходят за пределы тех групп, в которых присутствуют общенародные глаголы с подобным референтным ограничением: наивным языковым сознанием фиксируются лишь поведенческие и речевые особенности ребенка.

В направлении окружающего мира ближайшим участком оказывается дом человека и его быт. Это наиболее конкретизированная и проработанная в языке сфера, охватывающая все то, что составляет «периметр безопасности» и обеспечивает жизнедеятельность людей: продукты питания, одежда, обувь, орудия труда. В толковых словарях единицы, заполняющие эту ячейку языковой картины мира, обладают лингвокультурологической значимостью. Так, здесь встречаются слова, обозначающие реалии – символы русского быта: *изба, печь, дымоход, гармонь* и под. Национально-культурный концепт *дом* зафиксирован и в СРГСУ (*кожушить, немшеной, скупать, стесать*), что вполне закономерно, поскольку дом вообще является центром освоения пространства¹ и «по дому можно изучать воззрение народа на мир – как он его понимает»². Система специализированных актантов, связанных с домом и бытом, в СРГСУ значительно более дифференцирована и отражает все особенности хозяйственной деятельности человека. Так, нам встретились наименования хозяйственных построек, самой важной из которых является баня (*выспевать*), а также предметов домашней утвари: печка (*выметывать*), самовар (*наставить*), кадка (*бутить*), гончарные изделия (*стряпать*) – и необходимых в хозяйстве объектов заготовки: сено (*хрушкой, веслочить, вершить*), дрова и дерево (*таборить, кондетъ, кряжовой, сувелистой*), ягоды, грибы, орехи, семечки (*братъ, бруснить, желубить, ломать, глуздатъ*). Женская сфера деятельности представлена специализированными маркерами *холст, ткани, лен (льняное полотно), нитки, шерсть, одежда, белье, обувь*. Мужская сфера связана с хозяйством и основными видами занятий: в системе специализированных актантов встречаются названия орудий труда, используемых в земледелии и домашней работе (*пила, коса, коса-литовка, вага*), наименования приспособлений для охоты и рыболовства (*капкан, веревка, дратва, невод, лыжи*). Кроме того, включенные актанты в диалектных глаголах отражают особенности питания, ибо «русская кухня вполне была национальна, то есть основывалась на обычае, а не на искусстве»³. В связи с тем, что в нашей стране с глубокой древности возделываются рожь, пшеница, овес, ячмень, русский народ давно овладел техникой изготовления муки, теста и тайнами выпечки изделий. Именно такие объекты отражены в системе включен-

¹ Об этом же пишет Е.Л. Березович, основываясь на данных топонимии (см.: *Березович Е.Л.*. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998).

² См.: *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М., 1995. С. 38.

³ См. об этом: *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: Утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей. М., 1993.

ных актантов в СРГСУ: тесто (*тронуться, выкатать*), хлеб (*солодель, старновать, скрошиться*), мучная пыль (*бусить*), солоделая мука (*вестись*), злаки, посевы (*браться, матереть, вылечь, вызябать*).

Для наивной картины мира важным оказывается окружающий человека животный и растительный мир, который подвергается примитивной классификации, отраженной системой специализированных актантов в общенародном языке. Такая наивная таксономия, естественно, отличается от научной систематизации живого мира, так как соотносится лишь с ее ядерной частью и фиксирует наиболее значимые ее участки¹. В языковом сознании носителей диалектов рассматриваемый фрагмент имеет свою специфику. Предикатная лексика с включенными актантами позволяет, во-первых, установить степень значимости конкретного вида животных в хозяйственно-экономической жизни этноса, во-вторых, выявить когнитивные стратегии именования в языке, т.е. установить, какие именно свойства воспринимает и отражает человек, связывая их с определенными животными. По данным СРГСУ из родовых наименований встретились лексемы *животное, птица*, (хотя иллюстративный материал свидетельствует, что имеются в виду только домашнее животное и домашняя птица), а также лексема *рыба*. Включенный актант *животное* (и его синоним *скот*) представлен не столь широко, как в толковых словарях литературного языка. Гораздо чаще встречаются лексемы, обозначающие конкретные виды, и в этом проявляется свойственная народному сознанию четкая индивидуализация животных, дифференциация особенностей их поведения и фиксация их, так сказать, утилитарной ценности. Для русского языкового сознания ценными оказываются *корова, бык, кабан, кошка*, но особое место, как и в общенародном языке, занимают *собака и лошадь*. Число глаголов и прилагательных, связанных с этими денотатами, значительно больше, чем количество других референтно-ориентированных предикатов: о собаке – *лествой, натрыжнить, наустить, аргаться* и др.; о лошади / коне – *хрпать, скомыляться, бусить, непослужливой, вылять, вязгивать, вылегнуть, выкатываться* и др.

Дикие животные в рассматриваемой системе представлены крайне незначительно как в общенародном языке, так и в диалектах. Интересно, что виды диких животных в этих системах не совпадают. Так, в толковых словарях литературного языка встречаются *волк, лиса, заяц* – как самые близкие, вероятно, русскому человеку (не случайно именно эти звери являются типичными персонажами русских сказок о животных). В СРГСУ зафиксированы звери, являющиеся объектом охотничьего промысла: *лось, медведь, белка, пушной зверь*.

Среди птиц в диалектной системе включенных актантов получили отражение только те виды, которые входят в сферу *дом* и обладают материальной полезностью для русского человека: *куры, цыплята (кекать, кладливая, напоркаться, выклататься, выпаривать)*, *утки (кривкать, крехтеть)*, *гуси (гагать)*. Обычно такие специализированные субъекты входят в семантику оноματοпозитических глаголов, которые вообще широко представлены в диалектах. Лексема *рыба* значительно более частотна в говорах, чем в общенародном языке, потому что рыболовство является древним промыслом, очень важным для хозяйственной деятельности русского крестьянина. Данный включенный актант обнаруживается в глаголах с объектно-ориентированной семантикой, обозначающих способы добычи рыбы: *норить, бердничать, ботать, бродить, кривдить, вывести*. В СРГСУ единично, как и в толковых словарях литературного языка, зафиксирована лексема *насекомые (бунчать)*, но если в общенародной языковой картине мира этот класс воспринимается как единое сообщество, то в диалектной модели выделяются *комары (нати-пать)*, всегда доставляющие большие неприятности жителям северных районов России.

¹ См. об этом подробнее: Михайлова О.А. Указ. соч.

Второй ярус (или, через круговую схему, концентрический круг) реконструируемой картины мира образуют личность и общество. «Социальное тело» человека есть нечто отличное от его «зоологического тела»¹. По данным системы специализированных актантов в общенародном языке представления о себе как о социальном субъекте включают информацию о семейно-родственных и дружеских отношениях, о некоторых профессиях, имеющих специфические черты, а также о социальных статусах человека, чаще уже отсутствующих в современном социуме, но сохраняющихся в языковой памяти². Осмысляя себя как личность, человек обращает свой взгляд на общество, выделяя в нем явления, значимые для него. В литературных толковых словарях в дефинициях глаголов встретились существительные, называющие административно-территориальные объекты, транспортные средства, материальные и культурные ценности³. Судя по материалам СРГСУ, в которых мы не обнаружили ни одной номинации подобного рода, диалектное сознание не дифференцировало «социальное тело» человека, а значит, и общество. Эти объекты являются символами более поздней, городской, социальной системы, тогда как говоры есть отражение крестьянского социума.

И наконец, на третьем уровне человек осмысляет себя как высшее существо, способное мыслить, говорить и испытывать высшие эмоции. В толковых словарях литературного языка зафиксирована большая группа глаголов со специализированным субъектом *чувства*. Внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, и названия психической жизни, являясь именами абстрактного значения, обозначают как бы «предметы» идеальной действительности, существующие и действующие по аналогии с объектами вещного мира. Подробная разработка эмоциональной жизни отражает национальную особенность русского языка, в котором чувства осознаются как «активное начало»: русские активно и вполне сознательно «отдаются во власть стихии чувств»⁴. В СРГСУ мы не обнаружили ни одного слова с подобной семантикой, имеющего включенный актант *чувство*. Причины этого кроются, возможно, в том, что абстрактная лексика вообще не столь многочисленна в говорах. Ядерная часть языковой картины процессуально-событийного мира организуется преимущественно словами конкретной семантики, отражающими конкретные обстоятельства жизни сельского населения в конкретных природных условиях, особенности быта и хозяйственной жизни. Другая причина, на наш взгляд, заключается в том, что такие референтно ограниченные значения глаголов – факт более позднего развития языка, когда лексическая система говоров уже сложилась. Доказательством этому служит вторичность абсолютного большинства этих лексико-семантических вариантов, являющихся результатом семантической деривации.

Этот фрагмент картины мира соответствует выделяемому по линии внешнего обзора фрагменту *природа*, которая мыслится, подобно эмоциональному миру, как самостоятельная, неподвластная личности. В сознании диалектоносителей природный мир получает более детальную конкретизацию и дифференциацию, чем в общенародном языковом сознании⁵. В СРГСУ встречается специализированный субъект *погода* (*марить, мо-*

¹ Токарев С.А. Указ. соч. С. 201.

² См. об этом подробнее: Михайлова О.А. Указ. соч.

³ См.: Там же.

⁴ См. об этом: Везжицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 44.

⁵ Н.П. Потапова, анализируя глаголы, обозначающие атмосферные явления, в говоре д. Акчим, приводит таблицу соотношения диалектных и общерусских значений, из которой видно значительное преобладание первых: 169 и 139 (см.: Потапова Н.П. Духовный мир жителей д. Акчим по данным глагольной лексики // Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни. Пермь, 1999. С. 150).

рочать, бутуситься, выбаситься, заненаститься, оттепливать, надеристой), от которой во многом зависела жизнь и благополучие людей, которая могла испортить, уничтожить урожай. Поэтому вполне объяснимо, что речь чаще идет о плохой погоде: о сильном морозе (*хлящий*), о холодном сыром ветре (*хиузить*), о сильной жаре (*парить*). Внимание к состоянию природы, зависимость от нее обуславливает многочисленность лексем, в семантике которых есть включенные актанты, обозначающие атмосферные осадки: дождь (*бусить, крапить, спуститься, ломнуть*), а также связанные с дождливой погодой явления – гром (*верескнуть*), молния (*восиять*), – снег (*нагрудить, водяниться, надерить*). Актант *снег* встречается реже, чем *дождь*, что объясняется, видимо, меньшей его ролью в судьбе урожая. В уральских говорах много предикатов, референтно ограниченных субъектом *ветер* (*напахнуть, холнуть, ссадить*). «Обращает на себя внимание, что у собственно диалектных глаголов значение ‘дуть ветру’ связано преимущественно с зимним ветром»¹: *заметелить, завихарить, надерить*. Особой приметой этого фрагмента картины мира является присутствие в нем только субъектно детерминированных глаголов. Это вполне отвечает логике вещей, так как человек никогда не мог мыслить себя воздействующим на природную стихию, напротив, начиная с языческих времен, он воспринимал природу как живое существо, испытывая перед ней благоговение и страх.

Таким образом, фрагмент наивной языковой картины мира, воссоздаваемый по данным СРГСУ, отражает бытие русского крестьянина и поэтому включает такие денотаты, которые являются приоритетными для крестьянского сознания и обусловлены хозяйственно-бытовыми факторами. В центре этого бытия находится *дом*, но «за счет метафоричности и других способов семантической экспансии трехфонемное слово *дом*, обрастая сродной лексикой... и стягивая к себе элементы фоновых знаний, распространилось... практически до неисчерпаемости»², и дом в народном сознании вбирает в себя весь мир.

Н.В. Лабунец

СЛОВАРЬ НАРОДНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лексикографическое описание говоров русского языка, несмотря на многочисленные публикации региональных словарей, издание многотомного «Словаря русских народных говоров», не снижает актуальности создания новых диалектных словарей, особенно тех территорий, которые не были предметом специальных лексикографических исследований. «Если составить сводную карту лексикографической обследованности русских говоров, – пишет А.К. Матвеев, – обнаружится много лакун»³. К числу «лакунарных» в лексикографическом отношении регионов принадлежит Тюменская область, особенно южная часть ее.

¹ См.: *Потапова Н.П.* Указ. ст. С. 151.

² См.: *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Дом бытия языка: В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М., 2000. С. 9.

³ *Матвеев А.К.* «Словарь говоров Русского Севера» и некоторые вопросы диалектной лексикографии // Изв. Урал. гос. ун-та. 1995. № 5. С. 49.